

Я И З О П

Ольга Бешенковская

СТИХОТВОРЕНИЯ

А жизнь — всего лишь форма ностальгии
По жизни, где какие-то другие,
Сиреневые, может быть, дома...
И дерево мертвецкого оттенка
Как демон вырастает из простенка;
Встряхнется — и зажмуришься: зима!

Откуда в нас поток воспоминаний
О том, что и не снилось, и не с нами,
И вряд ли, и нигде, и никогда...
От пьянства или Врубеля и Блока?
И ранее — от дьявола и Бога,
Их долгого совместного труда?

Забиться в человеческой породе,
Копаться в черно-белом огороде
Своих бесплодно-каторжных трудов,
Где виденье сливается с виденьем,

И капает качнувшийся светильник
Горячим воском стынущих садов...

Действительности нет.
В действительности нет
Ни дома, ни страны, ни ветки — воплотиться.
Попробуй докажи,
Что сплетня — не сонет,
Что город — не село,
И дерево — не птица.
Что свиньи-лебедей грязнее,
и дубы

Глупей березняка,
И воздух — не Везувий.
Что вымысел души — не замысел судьбы,

И промысел ума — не умысел безумья.
Что мы еще живем — не умерли уже,
Что мы уже народ — не массовый зародыш:
Не живчики того, кто в синем этаже
Бойтся, что пожнешь не меньше, чем заронишь.
Скрывается от всех — как не было его...
Отечество людей — приютское сиротство.
И прочерком в графе "отцовство и родство",
Тушуясь, горизонт натянуто смеется.
Мы — выкидыш земли.
Нас не было и нет.
И в горле — первый ком
Из тех, что грянут сверху
Как ливень в медный таз.
Как яблоки "ранет".
Отбойный молоток
По гвоздику и веку.
Сплотиться в бутерброд?
Сплатиться по рублю?
Слезам поливать плоды воображенья?
Любимого — о, нет — любовь свою люблю:
Иллюзию, звезду...
И свет ее,
И женье...

Тихо засыпает запятая.
Бог и утешение с тобой,
Осень баснословно золотая,
Воздух детскосельски голубой.
Большого не вспомнить — и не надо,
Лишь бы, не скрывая существа,
Дивная эстетика распада
Нас благославляла на слова.

Слипаются фразы — совсем разучились читать...
Рассеянный взгляд выдает, что душа не на месте.
Все что-то мешает: на лбу непослушная прядь,
Дурные предчувствия, цоканье капель по жести...
Так в комнате нашей, где каждая вещь — наизусть,
Внезапно томит ощущение какой-то пропажи,
И мучит, хотя беспредметна до времени грусть,
И свет не включен, и ключи не повернуты даже,
И внешне — порядок, и нечего, в общем, терять...
И с книгой любимой такое же вдруг происходит,
Пока не поймешь: нехватает безмолвного "ять"
Как запаха речи в прекрасном — на суть — переводе.
Сама спотыкалась на жатве хрустящих страниц —
Корнями смягченными суетный век избалован...
Зато приходилось вглядеться, осмыслить, сравнить
И дух перевести перед каждым затверженным словом.
Загадочный сфинкс, человечек по имени Ять,
Морока наборщиков, роскошь писателей русских...
Но полно вздыхать: не заблещет грамматика вспять...
И надо ли это... И дело не в правилах узких.
И нам почитать и выстраивать свой алфавит.
И с ходом событий рифмуется бег авторучки.
И вдруг заскучать оттого, что и он деловит
По черт его знает, бог знает какой закорючке...

И пока на морозном конверте окна не погашена марка —
Золотой полумесяц с краями зубчатыми,
Вечера наших дней — как хрустящие письма из марта
Незаметно летят...

Кем-то будете вы распечатаны,
Наших дней вечера?..

В повседневном уюте предметы:
Неостывший кофейник и пушкинский томик...

Тополиная ветка в сосуде с наклейкою "водка"...

Простые предметы...

Он музей этнографии — наш заснеженный домик.

Вот висят на гвозде образцы неказистых одежд,

То есть, как нам казалось, пижонские лыжные куртки.

Половица скрепит...

В пепелище стихов и надежд

Как вороны уткнулись окурки.

Что поделаешь, легкие наши и сердце — добыча пороков,

Наших дней вечера скоротали смешные болезни:

Из какого-то рака

слона, понимаешь ли, сделали,

и, не помня уроков,

Поучали других: что вредней — что полезней...

Вот он, ящик с бельмом, тот, в который сыграло искусство—

Незавидная роль заурядных героев массовки...

Воск терпенья и веры; всегда оплывавший медово и грустно,

Осквернен ширпотребным налетом рисовки:

Свечка декоративная...

Крестик...

Иконка-чеканка...

Интерьерные поиски — происки — прииски в дебрях религий...

Вечера наших дней...

Привкус жести...

Консервная банка

И беспомощный лифчик на стуле...

О, сколько реликвий

Сохраняющих форму

нехитрого нашего быта...

- 2 -

Виновато в углу притулившийся веник

Так и будет наказан за ссору,

которую время смело...

Ничего не забыто.

Все вспомнили вещи, и — надо же —

Стоили денег.

И тахта, повидавшая виды, вздыхавшая в такт,

Если пальцы без фальши играли на клавишах тела.

И часы, в тишине протекавшие так,
Что невольно считала их звонкие капли,
хотя не хотела.

Истекали часы...
Но держалась блестящая марка —
Золотой полумесяц на морозном окне,
обращенном к Отчизне...
Вечера наших дней — как хрустящие письма из марта.
Изучив наш язык,
в них прочтут приглашение к жизни!

Г.С.Семенову по случаю капитального
ремонта дома 13/13

Хмурая помесь асфальта и неба.
Жактовский замок Согбенного Глеба.
Мимо — плащи по делам...
Кустики вместо готических сосен.
Что там, — весна или поздняя осень
В снеге с дождем пополам?

Впрочем, без нас по законам сезона,
Не вылезая за рамки газона,
Сбудутся все чудеса.
Сникнет и снова воспрянет трава, и
Голые заросли веток трамвайных
Зашелестят как леса...

Мне ли туманной надеждой прельщаться...
Что и умею — так только прощаться
С горьким смешком на губе.
Бродим как бредим ущельями улиц,
Ландыш болезненный светит, сутулясь,
Офонареть — на столбе!

Благодарю за букеты иллюзий
Эту судьбу, где растенья и люди

Тянутся к небу, поправ
Несоответствие разума с чувством,
Зелени с осенью, быта — с искусством,
Роста деревьев — и трав.

Несоответствие пальцев органных
С дрожью вспотевших граненых стаканов —
Видимость или закон?
Я же отчаянно не отличаю
Дома — от храма, и водки — от чаю,
Окон друзей — от икон.

Благодарю это смутное время
Даже за рифму унылую — бремя,
Не говоря об ином...
Что мы уже без трамвайной толкучки,
Побоку — Музы, и по небу — тучки,
Или "хвоста" в гастроном...

Нам же, действительно, замки пожалуй —
И ни строки не напишем, пожалуй,
Будем вздыхать в потолок...
Здесь-то и можем, поежась брезгливо,
Где Афродиты выходят из пива,
С богом вести диалог.

Господи, вниз посылая поэта,
Видно, ему ты доверил и это —
С лирой и жизнью за ней...
Все, до чего продираться годами
Или на жиже кофейной гадаем, —
Знает с усмешкой зане...

— 2 —

Участь свою принимая как почесть
Подвиг вершит, над столом скособочась,
Ночь окрыляя плечом:
Жить, совладая с душою соборной
В доме 13 напротив уборной,
Зная, что он обречен.

Так часы цепенеют в полночь,
Лист — в хрустальной могилке льда.
... Как застыло в глазах — не вспомнишь
Изумление навсегда.
Смех до слез, и уже — сквозь слезы,
Будто двери — со всех сторон,
Будто ждали Деда Мороза, —
Мешковина...

Весло...

Харон...

"Я пешка, рядовой клиент ломбарда..."
/Зоя Эзрохи/

Мне еще уходить дворами,
Отдышаться, в тени осев.
Я еще постою на грани...
Я еще попашу в отсева...
Подождет господин издатель,
А товарищ читатель сыт.
Я еще посмотрю некстати,
Как тревожно калачик спит...
Подоткну по краям, — опасно
Раскрываться на сквозняке...
Мне еще ничего не ясно,
Мне еще хорошо — никем:
Пешеходом, клиентом бани,
Потребителем колбасы.
Я еще похожу по грани
Как по кругу — всю жизнь — часы.

Что-то не по себе — словно дышит больница,
И не в силах помочь...
Над рождественским снегом тяжелая птица
Нависает как ночь
И висит над душой /и вороной — ворона.../
Тень руки — на звонке
...Крылья в черных перчатках, голубка Харона,
Ты сегодня за кем?

Двоюродный лире певучий кувшин
И галькой селеновой эллипс лимона
Прохлады глазам, как телам — крепдешин
В полуденном зное, томящем до звона
В ушах, до мифической связи сирен
С оливковой мухой, в девицах — навозной,
Вулкана — с букетом, — Сарьяновский крен
Юльской природы, готовой на воздух
Взлететь из последних расплавленных сил,
Снимает как приступ сквозная терраса
Миражем осенним... И дышит настил,
Не сдавленный ворсом и пылью паласа
Полянного... Кто изобрел витражи —
Наркотик для зренья, эффектный двойко:
Сперва одеяльце лоскутное лжи,
А после — мозаика памяти, яда
Целебная доза... И падает жар,
И столбик венозный бледнеет, как будто
Снижается в воду оранжевый шар
Висящий над сыном, сидящим как будда;
И бой в барабанных, слабеющий в стон
Настенных, и оспа газетного фона...
...И вот проступают кувшин и лимон —
Бессмертная и совершенная форма!

Дальновидна или же слепа,
Насаждая бунт или смирение
Разбросала в стороны судьба
Кисти винограда и сирени?
В коромыслах лета и зимы —
Спад и взлет, Таврида и Эллада,
Цвет и плод, взрывчатые займы:
Через край — лиловая прохлада...
Вкус ли, запах, — пьянящий куст,
Дым и ядра, мягкость и упругость,
Дух и плоть, изломанный искус,
Пясть и гроздь — врожденная другвдругость.
Как тебе, природа, удалось,
Догадалось — равно одержимым
Напоить сосуды этих лоз
Противоположным содержимым?
Как тебе додумалось, судьба,
Бросить их во время и пространство
Так, чтоб чутать, чувствовать себя,
Предвкушать, — и все же не ~~прощаешься~~ продраться...
И срываться, выбродив до зим,
Задыхаясь в шелестах и красках,
Наобум — в объятия корзи
Или пальцев, сцепленных на связках.
Оттого-то, ктоб ни припадал,
В бомбах слез и крестиках нательных
Голубой мечтой преобладал
Мемуаров пепельный оттенок...

Листочки автобиографий
Люблю: сложившийся сонет!..
...Везет ли их районный "рафик"
В обитый кожей кабинет,
Несет ли в клюве секретарша
Угрюмому кадровику,

Чьи плечи стершиеся старше
Тех, что открыто начеку, —
Являет время, проступая
В своей формальности простой,
Как может заданность скупая
Дарить неслыханный простор:
Пиши крестителя — крестьянин,
В Сибири канул? — Значит, "нет"...
Над безмянными крестами
Всеобщей грамотности свет...
О, графоманство — гений выжить
Листочком с древа желудей...
Как на кресте над ним возвышен
Неисправимый иудей.

* *
.

Если сердце остыть не сумеет,
Приплывут, утешенье дая,
Крокодилы приморских скамеек,
Золотая шагреня сентябрю.
Вот и славно, что листья опали,
Равновесье, как слово, сдержав.
Ресторанные пыльные пальмы —
Не колонии наших держав.
Перебродит в сосуде рассудка
Экзотический хмель на ветру.
За плечами походная сумка —
Будто пятится вдаль кенгуру.
Вот и снова раздвоено зренье:
Справа — пена, а слева — тоска.
И бесцельно бредет повторенье
По ковровой дорожке песка...